

online-best

ОЛИ ВИНГЕТ

ТАМ, ГДЕ
ЦВЕТЕТ ПОЛЫНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В48

Оформление обложки *Веры Голосовой*

В48 **Вингет, Олли.**

Там, где цветет полынь : роман / Олли Вингет. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (online-best).

ISBN 978-5-17-107400-5

Что можно разглядеть на самом дне чужих глаз? Сомнения, боль, страсть, нежность? Ульяна умеет видеть смерть во взгляде того, кто стоит напротив. И мир гаснет, и затихают звуки, и воздух нестерпимо горько пахнет полынью. Но как жить ей, покинутой всеми, с этим страшным даром на холодных улицах Москвы? Ответов нет, есть лишь полынь и неминуемое, что не выходит предотвратить, как ни старайся.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107400-5

© В. Голосова, дизайн обложки, 2018
© О. Вингет, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

КРАСНАЯ САНДАЛЬКА

Июльское солнце широким потоком лилось сквозь распахнутые окна. Москва за ними всю крутилась юлой на умытых поливалками улицах, стояла в пробках, злобно ругаясь, пила кофе из белых стаканчиков, которые, смяв в кулаке, бросала затем мимо урны.

Но Ульяна старательно делала вид, что ее все это не касается.

Она лежала на широкой кровати, лениво пролистывая ленту новостей. Солнечный лучик падал на черно-белый орнамент обоев, превращая его в затейливую вязь. Уля вытянула руку, чуть наклоняясь вперед, чтобы картинка ладно уместилась в квадратную рамку снимка. Пара привычных движений — и фото улетело в Сеть.

На экране телефона число одиннадцать неумолимо обращалось в полдень. За плотно прикрытой дверью раздался топот маленьких пяток. Уля улыбнулась. Никитка помнил, что она не любит незваных гостей, но изнывал в ожидании, когда же сестра проснется и выйдет. Он постоял немного — было слышно, как мальчик шумно сопит, переступая с ноги на ногу, — но постучать так и не решился, взбрыкнул и понесся

по коридору в сторону кухни. Оттуда уже доносились звон посуды и приглушенное бормотание телевизора.

Субботнее утро было временем толстобоких маминых оладий — их она жарила под тяжелой крышкой, томила в масле, а подавала со сметаной. От одной только мысли об этом урчало в животе. Но сладкое тесто давно было под запретом.

Ульяна вздохнула, потягиваясь, и решительно опустила ноги на пол. Мягкий ворс ковра приятно щекотнул ступни. Впереди ждал еще один день, полный беззаботного июльского солнца. Вилка, как сама себя называла соседская девочка со звучным именем Виолетта, ставшая за годы жизни бок о бок главной Улиной подругой, хотела доехать до парка Горького, едва только спадет жара. Но прогноз погоды не обещал ни малейшей прохлады. Потому гулять пришлось бы, изнывая от духоты, прячась в тени и попивая коктейли из запотевших стаканчиков. Но жара Ульяну не печалила.

Июнь, отданный на заклятие сессии, пролетел незамеченным. Он оставил после себя только ворох конспектов да темные круги под глазами, которые было решено не прятать: они придавали Уле пусть немного, но взрослый вид. По крайней мере, так ей казалось, когда она смотрела на себя, с неудовольствием отмечая налитые молодой свежестью щеки с той мягкостью линий, которая подходила скорее робкой восьмикласснице, чем студентке третьего курса.

Сбросив груз институтских проблем, Уля вот уже неделю почти не вылезала из постели. Листала бульварные романчики, не глядя подхватывала спелую ягодку черешни за тонкий черенок и раскусывала ее, чтобы терпкий сок наполнил рот настоящим вкусом лета. Мама, возвращаясь с работы, конечно, ворчала.

— Могла бы хоть полы помыть, — говорила она, неодобрительно поглядывая на дочь, но та в ответ даже бровью не вела.

— Неделя, ма. Ты обещала мне неделю ничегонедельня, как только я закрою семестр. — И, уворачиваясь от шлепка, уходила с кухни, прихватив с собой еще одну мисочку ягод.

Никитка об уговоре знал крепко, потому к сестре не приставал, подваливаясь к боку, только когда Ульяна сама выбиралась в общую комнату, чтобы посмотреть бессмысленное ток-шоу по музыкальному каналу или новую серию дурацкого сериала. Щекоча ее макушкой, Никита осторожно садился рядом, а когда сестра разводила руки в стороны, с визгом бросался на нее, брыкался и хохотал. Это была старая забава с тех далеких времен, когда Никита только научился ходить. Иногда Уле и не верилось, что тот пузатый малыш теперь посещает подготовительную школу, учится читать, старательно потирая переносицу очень ее, Ульяниным, жестом. В такие моменты ее накрывала волна нежности к брату.

Она любила этого сорванца, пусть и родившегося слишком поздно, чтобы стать ей другом. Разница в четырнадцать лет разделяла их, и ничего нельзя было с этим поделать. Но, глядя, как Никитка заходится счастливым хохотом в ее руках, Ульяна нисколько не притворялась счастливой. Она такой была.

Вот и сейчас, неторопливо натягивая домашнюю футболку поверх заношенных шорт, Уля прислушивалась к звонкому голосу брата, доносившемуся из соседней комнаты, и улыбалась, сама не зная чему. Телефон, брошенный на подушку, завибрировал. Ульяна оторвалась от отражения в зеркале над комодом и пролистала обновления. Фото солнечного луча на обоях набирало лайки и комментарии. «Концептуально», — писала старая знакомая с фотокурсов. «Я с другой стороны стены так и почувствовала, что ты снимаешь», — отметилась Вилка.

«Хороший кадр. Твоя спальня всегда такая солнечная? Или только когда ты в ней?» — Поставленное

в конце сердечко заставило Ульяну пробежаться по тексту еще раз.

Улыбка на лице стала торжествующей. Высокий светловолосый красавец со спортивного факультета. Тот самый, что уступил ей место в кафетерии и подал руку на лестнице. Тот самый, что недавно добавился к ней в друзья, но так и не написал ничего толком, своим молчанием заставляя постоянно обновлять страничку.

— С ума сойти! — пропела Уля и отправила ссылку на фотографию Вилке.

Той не было в сети, как и спортивного красавца. Но день только начинался, кто знает, сколько всего успеет в него вместиться?

Пританцовывая, Ульяна вышла в коридор, но до ванной не дошла — Никитка налетел на нее и едва не сбил с ног.

— Эй, здоровяк, потише ты! — ворчливо проговорила она, приглаживая вихрастую макушку брата.

— Мама сказала идти тебя будить! А то мы никуда не успеем.

— А мы должны куда-то успеть? — рассеянно спросила Уля, проверяя, не ответила ли ей подруга.

— В парк, мама сказала, мы пойдем с тобой в парк, где карусель-карусель! — Последние слова мальчик пропел на мотив старого мультика и понесся по коридору к кухне. — Мама! Ульянка проснулась!

Нежность к брату сдулась в Уле подобно лопнувшему шарик. Теперь она припомнила, что выторгованная удачно закрытой сессией неделя спокойствия заканчивается прямо сегодня. А значит, от похода на карусели спастись не получится.

Уля ловко проскользнула в ванную и прикрыла за собой дверь. Кафель приятно охлаждал босые ноги. Она включила воду, делая ее похолоднее, и юркнула в новомодный кокон душевой кабины, которую совсем

недавно купил отчим Алексей, как звала его Уля уже без малого десять лет. Он был хорошим человеком, не лез с нравоучениями, прикрывал по мелочам от мамы и не вмешивался в их крупные ссоры. А еще — руководил большой фирмой, значит, мог позволить себе и эту квартиру, и этот душ.

Прохладная вода щекотала кожу. Уля придиричиво похлопала себя по животу и бедрам: они казались ей дряблыми. И даже каждодневные упражнения, которые она выполняла, повторяя за энергичным тренером из видео, не слишком помогали. Но это всё были мелочи — Уля кривила душой, называя себя полной. Привычный девичий обряд, ритуальный танец перед тем, как позволить себе еще один кусок пиццы. На самом деле ей даже нравилось, как округло переходит тонкая талия в бедра, как натягивается майка на груди. Ульяна была миленькой. И сама знала это, умело добавляя к облику легкие кудри и чуть заметный макияж, на который уходило куда больше времени, чем на яркий и броский. Именно такая, мягкая и женственная девушка могла понравиться обаятельному спортсмену. Ведь противоположности притягиваются. Притянутся и они. Должны притянуться.

Уля выскользнула из объятий душа, завернулась в пушистое полотенце и коснулась мокрым пальцем экрана телефона. Вилка сообщение еще не прочитала. Но спортсмен был в сети. Задумавшись, Ульяна протерла запотевшее зеркало ладонью и посмотрела на свое отражение. Поправила мокрую прядь, чуть натянула веко, улыбнулась сама себе, проверяя, чистые ли зубы. И пока тело само выполняло привычные действия, в Ульяне зрело решение.

«Спасибо. В комнате солнечно, только когда нет сессии. Во время нее — мрак и тлен», — напечатала она, замерла на секунду и отправила комментарий. Дело было сделано. Шумно выдохнув, Уля бросила на

себя последний взгляд: ошалелые от смелости глаза восторженно блестели. Она натянула футболку и вышла за дверь.

— Садись завтракать, — бросила ей мама, мимоходом целуя в щеку. — Вечером придут Савичи, а мне еще готовить и убираться.

— Я помогу. — Ульяна открыла стаканчик йогурта и всыпала туда пригоршню хлопьев.

— Нет, лучше выгуляй Никитку, он тут скачет и мещается. — Мама присела на стул и неодобрительно покачала головой. — Опять это сено ешь.

— Это не сено, ма... — Уля сморщила нос, поднимая тяжелый чайник. — Это мюсли.

— Да знаю я. Дай сюда, еще обожжешься.

Стройная, выглядевшая куда моложе, чем была на самом деле, мама никогда не набирала лишний вес. Даже беременная сыном, она оставалась тоненькой, хрупкой, юной. Склонная к полноте Уля смотрела на нее с досадой и завистью.

— Почему я не в тебя? — спрашивала она, а мама только отмахивалась. «И в кого тогда?» — беззвучно продолжала Ульяна, уверенная, что вопрос точно останется без ответа.

Про отца они никогда не разговаривали. Уля не знала, кто он и куда делся. Не видела его фото, даже имени не слышала ни разу — отчество Степановна было дано ей в память о деде. Но мысли нет-нет да возвращались к теме блудного папаши. Пару раз Ульяна пыталась задавать прямые вопросы, но мама юлила, а после откровенно злилась. Потому желание поднимать болезную тему иссякло само собой. Нет и нет. Значит, далекому биологическому родителю она просто не нужна. А навязываться глупо.

Как-то же прожили они с мамой вдвоем целых десять лет, пусть не так уютно и спокойно, как после появления Алексея. От тех времен Уле остались смутные

воспоминания о холодных съемных квартирах и растянутых колготках с рваными носками, которые мама штопала по вечерам, а утром швы больно натирали пальцы.

— Ты меня слушаешь? — Мама наклонилась совсем близко и провела ладонью по ее лбу. — Эй, есть кто?

Сегодня она была в хорошем настроении. Уля чуть-чуть различала это по спокойному взгляду и отсутствию морщинки между бровями. По тому, как мама не раздражалась на старшую дочь. А таких дней становилось все меньше. Уля скорчила рожицу, подставляя щеку для еще одного поцелуя.

— Слушаю. Куда мне его сводить?

— В парке, через дорогу который, открыли новую карусель. Все ребята из группы туда уже ходили, один наш остался не у дел. Пусть катается, только следи, чтобы не укачало.

Ульяна чуть слышно застонала. Никитка очень любил все, что кружилось и вертелось, сияло огоньками, пищало и несло с бешеной скоростью. Жаль только, организм не разделял его восторгов. В прошлый раз Никитку, упросившего Улю отправиться с ним на карусели на ВВЦ, вывернуло прямо на ее открытые босоножки.

— Он хотел покататься именно с тобой. — Складка между бровями появилась резко и неумолимо. Мама смотрела на дочь, не скрывая досады. — Леша предложил ему сходить вместе, но Никита решил подождать, пока ты соизволишь проснуться.

— Ма, у меня каникулы...

— Не развалишься сделать во время них хоть что-то полезное! — Мама решительно встала со стула и вышла из кухни.

Повисла напряженная тишина, только телевизор в общей комнате вопил что-то об удачных ставках на

ипотеку. Ульяна поковырялась ложкой в йогурте, но аппетита не было. Обстановка в доме всегда зависела от маминого настроения. Уля с содроганием вспоминала годы, когда второй ребенок никак не получался у молодой семьи Сафоновых. Мама ходила по квартире мрачнее тучи и постоянно срывалась на дочь, обвиняя ее в мельчайших провинностях, словно именно они и были причиной всех бед. По ночам Ульяна глотала злые слезы, вспоминая, как дружно они жили раньше, до появления Алексея. Но обвинять добродушного дядьку с пивным животом под неизменной деловой рубашкой было глупо.

С появлением Никиты мама стала куда мягче. Правда, прежней любви, нежной и всеобъемлющей, которой согревались они холодными ночами в съемных комнатах, больше не было. Теперь забота мамы делилась натрое: между мужем, младенцем и угрюмой девочкой-подростком. Нужно ли говорить, кому доставалось меньше всего?

Но Ульяна давно привыкла, сжилась, научилась получать из своего отчуждения максимум пользы. Свобода оказалась приятной на вкус, главное — не злоупотреблять, и все будет отлично. Потому сегодня она отправится на прогулку с братом, зато вечером никто не остановит ее, когда она решит умотать из дома и не возвращаться до поздней ночи.

Уля аккуратно закрыла йогурт крышечкой, поставила его в холодильник и только потом вспомнила о телефоне. Тот предательски молчал. Она нажала на круглую кнопку, скрещивая пальцы на ногах, — это была ее личная примета, обычно приносящая удачу.

На экране повисло оповещение: «Константин Тимофеев прислал вам одно новое сообщение».

«Ты уже закрылась?»

Ульяна перечитала эти слова несколько раз, надеясь отыскать в них особый смысл.

«Да, было жестко, но не впервой же», — осторожно напечатала она, начиная злиться на Вилку, пропавшую в такой неподходящий момент.

— Уля-я-я... — вытянув губы трубочкой, пропел заскочивший в кухню Никитка. Он уже надел цветастую футболку с мультяшной уткой и полосатую кепочку. — Ты купишь мороженого? Я хочу с карамелью! — Мальчик прыгал на одной ноге, застегивая тугой замок красной сандаляки. Тонкие ручки, подобно мельнице, кружились у самого носа сидевшей на стуле сестры.

— Да встань ты как следует! — прикрикнула она, отрывая взгляд от телефона, где Костя что-то усердно набирал ей в ответ.

Никита дурашливо надулся и побежал к двери.

«Молодец! А я остался на осень по двум предметам. Педагогика — не мое», — пискнул телефон новым конвертиком.

«Ничего, главное — впереди два месяца лета!» — решительно набрала Уля, ломая голову, как бы продолжить разговор.

— Не засиживайся, там тучи нехорошие какие-то, — бросила вернувшаяся мама.

Ульяна вздохнула, но послушно встала и направилась к себе. Шкаф в комнате встретил ее ворохом одежды, небрежно раскиданной по полкам. Одной рукой набирая очередное сообщение Вилке, она вытащила тонкий цветастый сарафан, встряхнула его и решила, что для дневной прогулки с братом он точно подойдет. А вместе с ним — пара капель легких духов, немного блеска для губ и высокий хвост из чуть влажных волос.

Никита топтался в дверях, наблюдая за тем, как она собирается.

— Можно я возьму самокат? — спросил он, приподнимаясь на носочки от нетерпения.

— Бери, — пожала плечами Уля.

Мама вышла в коридор, вытирая руки полотенцем.
— Только не смей переезжать на нем дорогу! Слышишь, Ульяна? Проследи!

— Хорошо, ма.

Имя Вилки наконец загорелось зеленым кружочком в списке друзей. Ульяна отправила ей возмущенный смайлик.

Когда они с Никиткой вышли в коридор, мама стояла на пороге, провожая их взглядом. Но Уля не оторвала глаз от экрана — Костя как раз предложил ей встретиться на неделе, и сердце застучало в груди от радостного предвкушения.

«Это тот самый, с татушкой на шее?» — восторженно строчила Вилка.

«Да! Интересно, что там написано?»

«Думаю, скоро ты рассмотришь ее в мельчайших подробностях, старушка!»

Уля проскользнула мимо дверей, за которыми скрывалась квартира Виолетты, но решила не стучать: вначале предстояло отделаться от домашних обязанностей, а потом уже можно будет завалиться в прохладу Вилкиной комнаты, чтобы от души пообсуждать утренние новости.

— Ну, давай, мелкий. Веди меня к каруселям, — сказала Ульяна, когда мама наконец выпустила Никиту из объятий, громко поцеловав мальчика в макушку. Дочери досталась только улыбка, брошенная из-за закрывающейся двери.

Никитка шустро рванул вниз по лестнице, громко шлепая сандаляками и что-то напевая. Двор встретил их шумом и жаром московского полудня. На лавочке сидели две старушки, у обеих в руках дергались натянутые поводки, с другой стороны которых рыскали по газону маленькие полуголые собачки. Их хиленькие тела дрожали от страха и восторга прогулки. Старушки смотрели на них с равнодушным любопытством.

— Понапокупают животинок, — неодобрительно сказала одна, — а сами на работах своих до ночи. Вот на кой она мне, а я слежу, гуляю, мою...

Вторая согласно кивнула, смерив проходящую мимо Ульяну цепким взглядом.

Никита пронесся мимо соседок, разгоня маленький самокат, и крикнул что-то приветственное. Это мигом смягчило старушек — обе заулыбались, поглядывая на пеструю фигурку мальчика.

У Никиты был настоящий талант нравиться всем вокруг. Его любили самые злобные старухи, избалованные коты и дамы, которые еще вчера выходили на пикет чайлдфри с плакатом «Дети — могильный камень нашей жизни». От широкой улыбки мальчика таяли злые полицейские, редкая в их районе неблагополучная молодежь и даже многодетные мамы, которые были бы и рады пойти на собрание чайлдфри, да некогда.

Выходя со двора, Ульяна хмыкнула. Телефон надрывно вибрировал: Вилка рассказывала о вчерашнем свидании с бывшим одноклассником, превратившимся из очкастого ботана в модного компьютерного гения. Уля читала ее сообщения вполглаза. У нее самой, кажется, намечалась встреча.

«Я не против. Можно сходить в Аптекарский огород, знаешь, на проспекте Мира? Там тень и красота», — печатала она, приближаясь к дороге, которая отделяла их дом от небольшого парка и каруселей.

Разноцветная футболка Никиты мелькнула чуть впереди. Мальчик умело вел самокат по тротуару, звонко отталкиваясь от асфальта красной сандалкой.

«Здорово! Значит, завтра к шести я за тобой приеду?» — написал Костя, и тепло разлилось по телу Ули сладкой патокой.

Она принялась печатать ему адрес, обдумывая, как лучше объяснить проезд через запутанные соседние